

*Посвящается Людмиле Селивановой.
Такие женщины, подобно комете Галлея,
появляются раз в столетие.*

Неприятель отражен на всех пунктах.

*Из донесения М. И. Кутузова
Александрю I*

— Я ответила на ваш вопрос?

Очки ведущего как-то неожиданно высунулись вперед и блеснули с изящным ехидством.

— О да, — пылко ответил он и, моментально изменив тон с пылкого на интимный, продолжил: — А вот еще говорят... думаю, что многие наши зрители не раз слышали... говорят, что вы каждый день меняете шубы. Это правда?

Инна улыбалась.

— О да, — воскликнула она с бумеранговой пылкостью, — конечно, правда, Гарик!

После чего перегнулась через голубой сверкающий стол и добавила почти шепотом — впрочем, шепот этот отлично был слышен как в наушниках у всей съемочной команды, так и с той стороны экрана, где находилась, как это принято называть, «зрительская аудитория».

— Гарик, — прошептала она, — хочу вам признаться. Я каждый день меняю шубы, бриллианты и мужчин! Только никому не рассказывайте!

Такого ведущий никак не ожидал, да еще под самый занавес. Глаза за стеклами интеллигентных очков стали растерянными. Вообще Инне было его жалко — взялся, бедолага, интервьюировать знаменитостей, а они вон какие штуки откалывают, черт бы их побрал!.. Попробуй уследи за ними, когда в сценарии у тебя одно, а в эфире выходит совсем другое!

Инна молчала. Гарик решил, что нужно засмеяться, — и засмеялся неуверенно. Она его не поддержала.

— И вы, — заговорил он, — так легко в этом признаетесь?..

— В чем, Гарик? — неторопливо спросила она, и он понял, что на этот раз точно угодил в ловушку.

Ему теперь придется повторить про «шубы, бриллианты и мужчин», а делать этого никак не следовало, наоборот, нужно бы «проехать», «проскочить» опасное место и больше к нему не возвращаться, а он вернулся — сам! — и попал прямо в пасть к беловолосой мегере!

— Э-э, — тоскливо промямлил Гарик и с неуклюжестью слона перешел прямо к следующему вопросу: — Инна, у вас хорошие отношения с губернатором Белоярска?

— Гарик, а у вас хорошие отношения с министром печати?

Нет, все-таки она решила его добить, эта стерва!..

— С министром печати? — переспросил он жалобно. — А почему, собственно... Да нет, у меня с ним никаких отношений нет — ни плохих, ни хороших!

— У меня тоже нет ни плохих, ни хороших отношений с губернатором Белоярска.

— Позвольте, но вы ведь работаете... в администрации Белоярского края, а краем руководит губернатор...

— Но вы ведь тоже работаете на телевидении, а телевидением руководит министр.

— Не напрямую, не напрямую! — Не хватало ему еще, чтобы она затеяла разговор о свободе слова, когда до конца эфира осталось тридцать секунд!

— Губернатор Белоярска тоже не руководит мной... напрямую, Гарик!

Все это было двусмысленно, странно, с подвохами, да еще такими, с которыми он не умел справиться!

Наушник напомнил ему, что пора бы попрощаться, и он с радостью и облегчением проговорил, глядя в черную дыру камеры:

— Сегодня у нас в гостях была Инна Васильевна Селиверстова, руководитель информационного управления администрации Белоярского края. Я прощаюсь с вами до завтра и надеюсь, что мы встретимся вновь в программе «Единственный герой». С вами был Гарик Брюстер.

После чего некоторое время они посидели неподвижно, как сфинксы, улыбаясь стеклянными улыбками — друг другу.

В мониторе закружилась реклама, и голос ниоткуда сказал на всю студию довольно кисло:

— Отлично. Всем большое спасибо.

Даже без этого кислого голоса было ясно, что эфир неудачный.

Ведущий выдернул из уха микрофон. Инна расслабилась — закинула одну ногу на другую. Ноги были безупречные. Она никуда не спешила.

— Спасибо вам, Инна Васильевна, — поблагодарил ее Гарик досадливо. Шнур застрял под пиджаком и никак не вытаскивался.

— Не за что, Гарик, — откликнулась она.

Улыбка была ледяной и сладкой. Гарик поежился, словно это ледяное и сладкое вылилось ему за шиворот.

Подскочили бойкие молодые люди и проворно отцепили от микрофонов Инну и запутавшегося Гарика.

— Э-э, — протянул Гарик, который уже видеть ее не мог, — вас проводит... вот... Сережа.

— Спасибо.

За камерами в сумерках студии возникла продюсерша — средних лет, в брюках и мятом пиджаке.

— Инночка, все получилось отлично! — Много

лет никто не называл ее Инночкой, да еще на людях, но на телевидении свои законы. — Немножко в конце... смазано, но это не страшно! Наш Гарик просто чуть-чуть растерялся. Еще раз спасибо, что пришли.

Гарик не «чуть-чуть растерялся», а чуть в обморок не упал, поправила ее про себя Инна. Впрочем, как известно, «чуть-чуть» не считается.

— Мы пришлем вам кассету с записью эфира. Вам нужна запись?

— Хотелось бы.

Она должна посмотреть, где и какие сделала ошибки, да и вообще — как сидела, как смотрела, как отвечала, как выглядела, как была причесана. Она всегда анализировала свои эфиры тщательно, придирчиво и отвлеченно, как будто там, в телевизоре, была вовсе не она, а какой-то другой человек, и этот холодный и пристрастный взгляд всегда позволял ей найти собственные оплошности, учесть и в следующий раз избежать их.

Она изо всех сил старалась не походить на заполосных «государственных» теток, дающих интервью «из нашей студии «Россия», в прическах с начесом, путающихся в словах и не умеющих улыбаться. Она старалась — и ей это удавалось.

Уверенно держась на высоченных тоненьких каблучках, она подошла к краю подиума, на котором помещалась декорация, и, не глядя, протянула руку.

Тотчас же протянулась мужская рука, которая вежливо помогла ей сойти на студийный пол.

— Спасибо, — сдержанно поблагодарила она.

— Царица Савская, — на ухо свистнул один оператор другому, — королева Марго. Говорят, зараза и стерва — не приведи господи!

— Зато ноги — блеск, — отреагировал коллега, известный ходок по дамской части. — Такие бы ноги, да какой-нибудь кысочке, а они аллигатору достались!..

Они проводили ее взглядами — прямая спина, короткие белые волосы, сужавшиеся на длинной шее, маленькое ухо с бриллиантовой гроздью, тонкий запах сложных духов.

Э-эх!..

Шубы, бриллианты и мужчины, да еще каждый день!.. Вот это баба!..

Выйдя из студии, она первым делом включила телефон. Знала, что за час, который была вне зоны приема, ее наверняка разыскивали десять раз, а может, двадцать, а может, сорок, но проверить автоответчик не успела — телефон зазвонил.

— Инна, я вас провожу, — из-за спины начала было продюсерша, но та ответила быстрой улыбкой и повернулась спиной, что означало — подожди, не мешай.

Звонил муж, два месяца назад превратившийся в бывшего. То есть развели их вчера, а два месяца назад он решительно объявил ей, что «все кончено».

До этого он тоже говорил «кончено», но не уходил, а два месяца назад ушел.

— Привет, — сказал он озабоченно, — ты где? В Москве?

— В Москве.

— Ах да! — спохватился он. — Только что по телевизору видел!

— Ну и как тебе программа?

— Я не стал смотреть, — с готовностью признался он, и она моментально поняла, что телевизор был упомянут специально ради того, чтобы сказать ей, что он «не стал смотреть» — переключил на футбол.

— Ну и как тебе футбол?

— А? — переспросил бывший муж, немного растерявшись. — А, ничего. Все в порядке. Слушай, Иннуль, а где мой костюм? Ну, знаешь, с жилеткой? Что-то я его не могу найти, а Анька, зараза, смылась.

«Зараза Анька» — домработница — смылась неспроста.

«Я его если увижу, Инна Васильевна, — чуть не плача сказала она, перед тем как Инна уехала в «Останкино», — я ему в рожу вцеплюсь! Вам же хуже будет. Отпустите меня, а?!»

Инна ее отпустила, и бывший муж собирал теперь свою часть «совместно нажитого имущества» в полном одиночестве.

Нелегко ему, бедняге, подумала Инна.

Всю жизнь за ним ухаживали — сначала мать с бабкой, потом первая жена, потом она, Инна, а теперь вот «новая счастливая семейная жизнь» подключилась. Но так как «новая счастливая» не могла ухаживать за ним в Инниной квартире, пришлось ему самому трудиться, и, как видно, от непосильного труда он уже изнемог. Собирать вещи, когда ни разу за всю жизнь не поинтересовался, где они лежат, — вот, черт побери, задача!..

Зато Инна все хорошо знала — про костюмы, майки, шорты, двухтомничек Мандельштама, британский прибор, коробку с компакт-дисками — джаз, разумеется! — про два десятка шелковых галстуков и пяток сложных концептуальных фильмов Вуди Аллена и Питера Гринуэя.

Больше от мужа ничего не осталось.

«Давайте я все соберу и у двери поставлю, — с ненавистью предложила Аня. — Он тут нам все перебурует, если сам собираться станет!»

Но Инна не желала облегчать его и без того веселую жизнь.

«Перебурует — разберем», — мрачно ответила она домработнице и уехала на съемки.

— Иннуль, где костюм?

— В гардеробе с правой стороны. За твоей зимней курткой, — автоматически ответила она. Продюсерша

за спиной разговаривала с кем-то из группы, голос был недовольный.

— Куртку я уже упаковал, — радостно сообщил муж, — а костюм что-то... Подожди, я сейчас посмотрю.

И она стала ждать. Он сказал: «Подожди, я посмотрю», — и она послушалась. Как всегда. Не положила трубку, не отключила телефон, не послала его к чертовой матери.

Ему нравилось, что она так от него зависит. Так слушается. Так переживает.

В последнее время ему еще очень нравилось собственное положение — умница, красавица, начальница, интеллектуалка Инна умоляла его не уходить, «подумать», «попробовать еще раз», обещала, что «все теперь будет по-другому», плакала, не спала, курила, даже подурнела, вот как убивалась!..

А он вовсю и от души играл — разочарованного мужа, задавленного непониманием и неприятием «родной жены», которой давно опостылел холодный семейный очаг, которая «пустилась во все тяжкие», «растоптала», унизила, оскорбила, собственноручно убила «большое светлое чувство» — и получила по заслугам! Он ушел «к другой», которая понимает, разделяет, у которой правильная «система ценностей», и вместе с этой «другой» и ее подходящей системой он вволю наслаждается джаза и этнической музыки и с утра до ночи сможет декламировать из Мандельштама — «другая» поймет!

Кларк Гейбл, черт возьми!..

Самое главное, что он и чувствовал себя почти Кларком Гейблом — свободным, чувственным, раскрепощенным, обожаемым женщинами, которые борются за него, и жена — блестящая, умная, высокопоставленная! — проиграла!.. Он выбрал «новую счастливую семейную жизнь», а старую затоптал в пыль, да еще плюнул в самую середину.

— Нашел, — весело сказал он в трубке. Был уверен, что она все еще ждет, и не ошибся. — Он же в мешке, а я так искал.

— Все, Виктор? — холодно спросила она. — Я еще в «Останкино», у меня... дела.

— Ты когда приедешь?

— Не знаю. Не скоро.

— Приезжай, — позвал он. — Давай хоть простимся, как люди!

— Виктор, мы пытались, как люди, и у нас ничего не вышло.

— Это у тебя ничего не вышло. — Он ехидно засмеялся. — Я же тебе говорил, чтобы ты перестала дергаться. Я тебе не нужен, и ты мне не нужна.

— Ты мне нужен, — сквозь зубы сказала она.

Господи, почему она опять позволяет ему втягивать ее в этот нелепый, нескончаемый, кошмарный разговор, который они вели уже полгода!

Ему нравилось слегка подшучивать над ней, натягивать и ослаблять веревку, в которую уже была просунута голова повешенного — ее голова! И она могла точно сказать, когда именно понравилось: когда он заявил, что «все кончено» — как в кино! — а она зарыдала и стала умолять его остаться, и он остался, снисходительный к ее слабостям, обрадованный ее унижением, мужчина-победитель, можно даже сказать, орел-мужчина, в одну минуту отряхнувший с ладоней прах десятилетней совместной жизни.

— ...Приехала бы, — говорил он в трубку, — попили бы кофейку, я «Божоле» привез. Посидели бы, Иннуль!

— Витя, если ты не знаешь, где твои вещи, Аня завтра все соберет. Я не приеду.

— Ну, как хочешь. А ты где? Ах да, в Москве!.. Когда улетишь?

— Я не знаю пока. Я только прилетела.

— А что? Дела?

— Дела. Виктор, я больше не могу разговаривать.

— Да брось ты, — сказал он добродушно, — не страдай. На самом деле ты сама во всем виновата. Помнишь, как я...

Но тут она не далась.

Ей некуда бежать — со всех сторон жала стальная клетка, а она была зверем, которого прижимали к сетке, и кололи ножами, и до крови били в ребра и зубы, и еще сапогом в незащитный живот, но почему-то все никак не убивали до конца — оставляли забаву «на завтра», чтобы опять прийти и опять колоть, и так без конца.

Но на этот раз она не далась.

— Пока, — попрощалась она стремительно. В желудке было холодно и тяжело, как будто она наглоталась речных камней. — Передавай привет нашей молодухе. Скажи, что я ей сочувствую. У нее впереди много интересных и занимательных открытий.

— Ты просто сука, — сказал муж равнодушно, и телефон замолчал.

Инна вытерла ладони о юбку и посмотрела — на ткани остались следы пятерни.

— Инна Васильевна!..

— Да.

— Вы уже уходите? Генеральный просил непременно проводить вас к нему! Он не знал, что вы у нас сегодня в эфире, и просил прощения, что не встретил, и...

— У меня самолет, — соврала она, — через час. Я... и так опаздываю. Привет Паше.

Пашей — Павлом Алексеевичем — звали генерального, и при мысли о том, что она должна с ним встретиться, не приведи господь — ужинать, разговаривать, слушать, камни в желудке пришли в движение и полезли друг на друга.

Мой муж в моей квартире сейчас собирает вещи, чтобы уйти от меня навсегда, а вы разговариваете со мной, словно я нормальный человек, такой же, как вы все!

Его никогда больше не будет в ее жизни, а она — идиотка! — считала, что с ней ничего такого ни за что не случится! Она была почему-то уверена, что оба они слишком умны, чтобы вот так, ни с того ни с сего, удариться в «новую счастливую семейную жизнь» — все с тем же Мандельштамом, джазом и «Божоле», с которых когда-то началась их «счастливая жизнь»!

Водитель все знал. Он возил ее последние семь лет: сначала — когда она стала замом председателя скромной телерадиокомпании, потом — когда перешла в пресс-секретари, и теперь — когда руководила «средствами массовой информации» огромного Сибирского края.

Он все знал. И все сделал по-своему.

Инна точно помнила, что ничего не говорила ему, когда садилась в машину, и он ей ничего не говорил. И потом ничего не говорила, когда, сгорбившись, покачивалась на заднем сиденье, неотступно и тяжело думая о куртке, которую муж, наверное, уже забрал и сунул в рюкзак, а ей так нравилась эта куртка, и Виктор в ней тоже нравился. И еще думала о том, что завтра ей возвращаться в Белоярск, а до этого запланирована встреча с новым начальником из администрации президента, и неплохо бы до нее посмотреть бумаги, которые она готовила. А потом нужно попытаться надавить на губернатора, который отродясь с прессой «не водился» и вообще отчасти не понимал, кому она нужна, эта пресса, — и об этом она тоже думала, и о десятке других важных и нужных дел, но все заслоняла куртка, которую он забрал, и это значит — все, конец, больше ничего не будет.

Она очнулась, когда поняла, что машина больше

не едет. Почему-то вдруг накатила такая усталость, как будто она ворочала жернова на мельнице.

— Мы где? — Инна посмотрела в окно и не узнала. — Где мы, Осип Савельич?

Водитель с таким диковинно-литературным именем глядел на нее из зеркала заднего вида. Вид у него был угрюмый. Не только именем, но и видом он походил на кулака и белобандита из романа-эпопеи «Вечный зов».

— Ты бы, Инна Васильна, не убивалась так уж, — мрачно сказал он. — Молодая, красивая, богатая, карьеру вон какую сделала! Из-за какой-то... тьфу!.. мокрицы так себя изводить!..

Водитель был проверенный боевой товарищ, лучший друг, член семьи, он имел право говорить все, что угодно, но пользовался этим правом очень редко — даром что походил на кулака, а понимал ситуацию, как любой придворный!

Инна молчала.

Он имел право говорить. Она имела право не слышать.

— Куда ты меня завез?

— Да никуда я тебя не завез! В пансионат завез! Я как услышал, что сегодня твой... Хулио Иглесиас нагрянет, я сразу сестре позвонил, она директорствует тут. Нечего тебе сегодня домой ехать, здесь переночуешь, она уж отдельную дачку для тебя приготовила! Анька завтра с утра все там уберет, тогда поедешь, а сегодня — погоди, побудь на дачке!..

— Ну ты даешь, Осип Савельич, — тихо сказала Инна, — или тебе с сестрой надо увидеться?

— Вот еще, — оскорбился водитель, — я с ней и так в любой момент могу увидеться!

— И убирать там ничего не нужно, — продолжала она, — не за покойником ведь!

— Да лучше б он сдох!..

— Осип Савельич!

— Да ладно!..

— Осип Савельич, замолчи.

— Да молчу, молчу! Его бы, барана, к воротам привязать и гонять хворостиной, пока...

— Осип Савельич!

— В Москву обратно не повезу! Хочешь, сама за руль садись и езжай, а я не повезу! Что ты там станешь делать? Опять всю ночь пустырьник трескать?!

— Ну тебя, Осип Савельич, — устало сказала Инна, — от твоей заботы с ума можно сойти.

И выбралась из машины.

Небольшой подъезд был освещен теплым светом — куски его лежали на желтых листьях, густо насыпавших газон, и пахло осенью, травой, чуть-чуть дымом и близкой рекой, как в детстве.

Из яркого тепла навстречу уже бежала женщина, очевидно, та самая сестра-директриса, нисколько не похожая на своего брата, легкая, маленькая, коротко стриженная. Добежав, она сразу захлопотала, заулыбалась, повела Инну куда-то за угол, по белой плиточной дорожке, к высокому, как теремок, строеньицу, темневшему на фоне леса.

Строеньице оказалось дачкой «на одного» с гостиной, светелкой и деревянным балконом. И сауна в теремке имеется, похвасталась директриса, и ванна-джакузи, и плоский телевизор на круглых металлических стойках, и занавески в кружевцах и атласных лентах — все как следует.

— Ужин сюда подам, и сауну уже включили, прогреется. Фрукты вон, в вазоне. — Инна оглянулась — и вправду «вазон». — Отдохнете, а утречком поедете. Вам у нас понравится, Инна Васильевна! Я Осипу уж сто раз говорила — привози, привози к нам, а он только сегодня сподобился! Халатик в гардеробе. Вещи погладить?

Инна засмеялась:

— Нет. Спасибо. Все равно утром придется домой заезжать.

Женщина тоже улыбнулась озабоченной улыбкой хорошей хозяйки.

— На ужин что подать — мясо, рыбу? Осетрина, семга, лосось, треска, форель? Говядина, свинина, шашлык, цыплята?..

Есть Инне совсем не хотелось. Ей уже полгода не хотелось есть — с тех пор как Виктор сообщил, что она «растоптала», а он «принял решение».

— Рыбу, — сказала она, потому что понимала, что женщина не отстанет.

— Рыбку на закуску? А на горячее цыпленка, у нас повар-грузин, так готовит, так готовит, что к нам специально едут, чтобы у него покушать! Цыпленка, да, Инна Васильевна?

Она вздохнула:

— Да. Спасибо.

— Ну, вы располагайтесь. Телефончик, если что потребуется, вон, на столике, а я побегу... потороплю ужин. Располагайтесь, отдыхайте, Инна Васильевна, голубушка вы наша!..

Очевидно, не в меру болтливый Осип ввел в курс дела всю свою семью.

Ну и ладно. Все равно уже ничего не изменишь.

Прямо на середину ковра, устилавшего пол в спальне, она стряхнула голубой костюм, часы, колготки и украшения и в одном белье пошла в ванную, открыла все краны, разделась и долго рассматривала себя в зеркале.

Белая кожа, сильные ноги, грудь в полном порядке. Она рассматривала себя, как будто чье-то изображение, выискивала изъяны и недостатки, но их было мало, даже на ее собственный взгляд, мало, — чего ему не хватало?!

Обозлившись, что опять думает о том же, она надела халат, потрогала воду, мерно и сильно бившую в громадную ванну, затянула пояс и вышла в гостиную. По всем каналам почти одновременно начинались новости, и ей нужно было посмотреть хоть какие-нибудь, неважно какие. Комментарии она никогда не слушала — они злили ее или смешили, в зависимости от того, кто комментировал, — ей нужен только перечень событий.

Инна плюхнулась в диван, как в омут, подтянула ноги, зашарила по низкому столику, на котором лежал пульт, свалила на пол газеты, перегнулась через кожаные берега диванного омута, чтобы их собрать, и прямо перед носом, на цветастом персидском ковре вдруг увидела начищенные до блеска мужские ботинки.

Инна ничего не поняла и некоторое время просто смотрела на них, а когда они зашевелились и двинулись, перепугалась так, что рука, на которую она опиралась, подломилась, и она клюнула носом ковер. Подол взметнулся, ноги описали дугу, и диван-омут выплеснул ее прямо на пол, почти что на неизвестные ботинки.

Она неловко перекатилась на корточки, вскочила и ринулась за толстую подушечную спинку.

— Вы кто?!

— А вы кто?

— Как вы сюда попали?!

— А вы как?

От страха у нее взмокли спина и ладони.

Теремок стоит далеко, почти у самой кромки леса, и как позвать на помощь, чтобы услышала охрана, она не знала — ничего охрана не услышит, даже если она заорет во все горло, а пистолета или ракетницы у нее нет!

— Вы... не тряситесь, — хладнокровно посоветовал мужик, — я не бандит и не киллер.

— А вы... кто?

— Отдыхающий.

— А... почему вы отдыхаете... в моем коттедже?

— Нет. Это вы почему-то отдыхаете в моем. Или вы кто? Горничная?

Это было сказано таким тоном, что она моментально поняла — он ни на секунду не принял ее за горничную, просто дает возможность восстановить самообладание.

— Я не горничная.

— Почему-то я так и подумал, — пробормотал он.

Инна запахла халат и выбралась из-за дивана. Ладони по-прежнему были мокрыми. Как тогда, в студии, она вытерла их о юбку.

— Я хочу позвонить, — быстро сказала она, — чтобы кто-нибудь пришел и разобрался в ситуации.

— Звоните, — разрешил он.

На полированной поверхности стола стоял желтый допотопный телефон с гербом — во всех высоких кабинетах были такие — и списочек номеров, кто по какому: вахтер, монтер, администратор, директор.

Косясь на мужика и с трудом попадая пальцем в круглые пластмассовые дырки, она вызвала администратора, — мужик рассматривал стены, словно на них были фрески Микеланджело.

— Сейчас придет, — сообщила Инна осторожно. — Как вы сюда попали?

— Мне сказали — коттедж, — он пожал плечами, — дали ключи. Обещали, что чемодан сейчас принесут. Я пришел, дверь открыта. Я только решил телевизор посмотреть, а тут... вы.

— А вы... кто?

— Ястребов Александр Петрович, — представился он так, будто сожалел, что он Ястребов, а не Соловьев. — А вас я знаю. Вы Инна Селиверстова. Большая шишка в Белоярске. Верно?

— Верно, — согласилась она.

Если он пришел ее убивать, почему не убивает?.. Почему рассматривает стены?.. Почему ждет, когда прибежит администратор, ведь она на самом деле его вызвала?!

На нем были темный костюм и светлая рубаша с распушенным галстуком — ослабленный узел открывал расстегнутую верхнюю пуговицу.

Он был не слишком высокий, плотный и темно-волосый.

Ничего особенного. На нее он взглянул раза два и опять уставился на стены — как будто стены в этой комнате были самым интересным!

Администратор примчался, и все разъяснилось.

Уважаемый Александр Петрович ошибся. Его коттедж находился прямо за коттеджем Инны Васильевны. У нас их два. Видно, плохо объяснили. Простите, простите, Александр Петрович, и вы, Инна Васильевна!..

Следом за администратором примчалась и директриса, и все объяснения начались по новой, и извинения были принесены и приняты, и от суматохи и бестолковости у Инны вдруг заболело где-то внутри головы, и она, словно разом выключенная из общей суматохи, пошла к дивану, села и пристроила голову на спинку.

Александр Петрович Ястребов внимательно посмотрел на нее и как-то в два счета выпроводил директрису и администратора, а сам не ушел.

— Вы... больны?

— Я вчера развелась с мужем, — неизвестно зачем тускло ответила она, — мы прожили вместе десять лет.

— А зачем вы с ним... развелись? Большая любовь нагрязнула?

Она улыбнулась резиновой улыбкой и разлепила веки.

— Не я с ним. Он со мной. К нему любовь нагринула.

— Как же вы проморгали?

— Что?

— Его большую любовь.

— Я работала. — Внезапно собеседник стал ее раздражать. — Мне было некогда. Я была уверена, что... меня это никогда не коснется.

— Ну конечно.

— Что — конечно?

— Вам некогда. У него любовь. Все правильно.

— А вы откуда знаете, правильно или нет?!

— Все оттуда же, Инна Васильевна, откуда и вы. Мне было некогда, и к моей жене нагринула большая любовь.

Инна внезапно почувствовала жгучий интерес. Такой, что даже головная боль полыхнула напоследок и сгорела.

— Вы... развелись?

— Развелся.

— А... дети?

— Сын. Он со мной, слава богу.

— Ваша жена вам его отдала?!

— Отдала. У нее любовь, новая семья. Новые дети.

Старые дети не нужны. Надоели.

— А... давно вы развелись?

— Шесть лет назад.

— А я только вчера, — пожаловалась Инна. — Говорят, что мужчины переживают все это легче.

Он пожал плечами:

— Не знаю.

Принесли ужин — гору сказочной еды, бутылку в серебряном ведерке, белые свечи, две штуки, два бокала — вот до чего догадлива и услужлива оказалась директриса! — небольшой тазик с пирожками, вазочку с клубникой, и еще что-то такое, и еще что-то эдакое.

— Вот видите, — сказала Инна уныло, — придется вам со мной романтически ужинать. Хотите?

Он мельком глянул на нее.

— Есть хочу, — объявил решительно, — романтически ужинать — нет.

— Все равно придется романтически. Куда же мы свечи денем и шампанское?

— Это точно, — согласился он, — девать некуда.

Вы курите?

— Нет, — призналась Инна.

— Значит, нет зажигалки?

Она пожала плечами — у нее не было зажигалки. Тогда он вытащил из кресла свое пальто и долго рылся в карманах, то в одном, то в другом, потом опять в первом, и наконец нашел.

Он зажег свечи, некоторое время полюбовался на них — в темных зрачках плеснулось золотистое пламя, — потом отчего-то поморщился и посмотрел на нее.

— Может, потушим?

— Ну нет, — сказала она решительно, — не станем. Все, Александр Петрович. Хватит политес разводиться. Снимайте ваш пиджак, и давайте поедим. Поздно уже.

Романтический ужин и вправду не получился — несмотря на свечи, серебряное ведерко и льняную белоснежность скатерти. Они быстро ели и думали каждый о своем.

Несколько раз она на него взглянула — он просто ел и явно не был озабочен, какое впечатление производит. Когда она посмотрела в очередной раз, они встретились глазами, и ей стало неловко — заметил, все ее рассматривания заметил, только виду не подал!..

Он глотнул вина, как воды, и спросил без всякого интереса:

— Вы в команде Мухина работаете?

— Да.

— Давно?

— Год.

— А до этого где работали?

— На телевидении. В Москве.

— Из Москвы в Сибирь?! Эх вас угораздило!..

— Работа такая.

— Белоярск — город сложный. Один алюминиевый комбинат чего стоит.

— Вы там были?

— Инна Васильевна, я читаю газеты. Про алюминиевые войны только ленивый не написал.

Она улыбнулась:

— Это точно.

Девяносто процентов того, что на-гора выдавала пресса, Инна придумывала сама. Нет, не писала, а именно придумывала. И про войны, и про «хороших и плохих» парней, и про директоров заводов, и «хозяев города».

Это была ее собственная война, почти карманная.

Кто-то воюет, стреляя из «калашникова». Кто-то воюет, придумывая сюжеты.

— А как вы из Москвы попали в команду Мухина?

— Это долгая история, Александр Петрович. Мухин — умный человек и умеет ценить преданных людей, а я однажды ему помогла.

— Вы помогли губернатору края?!

— Ну да. И он предложил мне работу. Я согласилась.

Тут она вспомнила про джакузи, в которую вода как пить дать налилась два часа назад, и кинулась в ванную, некрасиво подхватив полы длиннющего халата и чуть не свалив со столика свой бокал.

Ванна оказалась умнее Инны — она налилась до какой-то там отметки и автоматически отключила воду.

Вода уже остыла, сидеть в ней было нельзя.

И тут ей так жалко стало себя, своей жизни, которая кончилась сегодня, когда Виктор вытащил из их общего гардероба свою куртку, и этой горячей воды, в которой ей не удалось посидеть, и ужина, который пришлось делить с незнакомым человеком, и этого вечера, когда по-хорошему следовало бы выть и кататься по полу, а она почему-то ведет светские, никому не интересные беседы, что, присев на краешек ванны, она вдруг заплакала — громко, навзрыд.

Она рыдала довольно долго — никто не шел из гостиной утешать ее, видно, гость опять принялся рассматривать стены и очень увлекся этим занятием.

Потом она открыла золотую пробку, и вода стала с шумом уходить из ванны — Инна почему-то была уверена, что так же, в канализацию, утечет ее жизнь, вся, до капли, и больше уж ничего не останется.

Потом она перестала рыдать — когда в ванне не осталось больше воды, — поднялась, не глядя вытерла лицо и побрела в гостиную, уверенная, что Александр Петрович, как человек деликатный, давно уже покинул ее «приют».

«Он покинул гостеприимный приют» — так писали в романах про герцогов и графов. Гостеприимный приют, как правило, помещался в замке, а сам герцог или граф помещался верхом на лошади, а вокруг бушевала метель...

Додумать до конца она не успела, потому что Александр Петрович, вовсе не покинувший «приют», появился откуда-то сбоку, взял ее за руку, повернул к себе, посмотрел внимательно и даже как будто сердито, а потом поцеловал, и целовал ее долго и со вкусом. От изумления она даже слегка пискнула — никто не целовал ее уже лет сто или двести, — но он не обратил на ее писк никакого внимания.

Очень быстро они оказались на диване в гости-

ной, а потом в светелке, на пышнотелой кровати, а потом в джакузи, куда заново налилась вода, а потом опять на диване.

Почти никаких слов. Только одно огромное чувственное изумление — такое огромное, что оно нигде не помещалось, лезло наружу, словно тарасилось на них.

Что это за мужик?! Откуда он взялся?! Что она делает с ним на диване в гостиной?!

Десять лет она была «верной женой» — и на второй день после развода угодила в постель с незнакомым человеком, о котором ничего не знает, кроме того, что зовут его Александр Петрович, и еще того, что он тоже когда-то там развелся!..

Десять лет она не знала никаких мужчин, кроме собственного мужа, который вчера... нет, сегодня забрал из ее гардероба свои вещи. Десять лет не знала, а теперь оголтело занимается любовью на казенном диване — и даже толком не понимает, с кем!

Они уснули очень поздно — или слишком рано — поперек пышнотелой кровати, потому что ни у нее, ни у него не было сил переползти и лечь нормально.

Ей показалось, что она совсем не спала, — только что в последний раз он отпустил ее, поцеловав напоследок, — но что-то свербело в ухе, и она с трудом разлепила веки и поняла, что за окнами утро, что ее любовник крепко спит, свесив до ковра волосатую смуглую руку, а у нее в сумке звонит телефон.

Кое-как она поднялась, и, шатаясь, пошла искать сумку, и долго искала, тихо и жалобно ругаясь себе под нос, и наконец нашла.

— Да.

Ее собственный голос был хриплым и низким — голос женщины, которая всю ночь напролет занималась преступной любовью.

— Инна Васильна, ты?

— Да. Кто это?
— Ты в Москве?
— Да. Кто это?!
— Это Якушев. — Так звали первого зама губернатора. — Прилетай, у нас беда. Мухина убили. Сегодня ночью.

Похороны губернатора, как все официальные похороны, прошли с фальшивой помпезностью и показались Инне очень холодными — под стать наступившей в Белоярске зиме.

В Москве стояла золотая осень — синее небо, чистый холодный воздух, ветки деревьев, словно нарисованные тушью на красном и желтом, бульвары, заваленные листьями. По утрам под ногами вкусно хрустел ледок, а днем почти пригревало, и казалось, что до зимы далеко-далеко.

Зима оказалась намного ближе к Белоярску, чем к Москве, — ветер с Енисея был ледяным и острым, взметывал вчерашний снег, лез под шубы и темные очки, надетые не от солнца, а для того, чтобы вездесущие камеры не снимали глаза.

Руки у Инны совсем заledenели в тонких перчатках, и пришлось сунуть их в карманы. Деревянные и бесчувственные от холода пальцы нащупали что-то твердое, и она долго не могла сообразить, что там такое. Почему-то это казалось страшно важным, и она чуть успокоилась, поняв, что это зажигалка.

Зажигалка. Ничего особенного.

Откуда она там взялась?..

Городское кладбище даже в «привилегированной» его части было унылым и неудобным — все снег да снег, все кусты да кусты, все гранит да гранит, да еще черный мрамор, и не разберешь, кто там под ним — местные ли «братки», устроившиеся здесь с наиболь-

шим почетом, начальники высокого ранга, священники и академики из «ссылных».

От темных очков снег казался желтым, а низкое небо — фиолетовым.

Ухали трубы, мешали думать. Солдатики переминались с ноги на ногу, мерзли в худых шинельках. Московская траурная делегация, постно потупившая государственные головы, стояла вроде бы среди толпы, а вроде бы и обособленно. «Местные» все стремились туда, к ним поближе, и даже те, что стояли неподвижно, — стремились, подсовывались, метали взгляды.

Инна от них отвернулась.

Может, она и была слишком «чувствительной», как это называл верный Осип Савельевич, но все же считала, что похороны — не место для карьерных затей. Ну пусть хоть в присутствии мертвых, ну хоть на время живые позабудут про «хлеб насущный», про «доходное место», про «начальничье око»! Все равно — доходное у тебя место или нет — кончится все кладбищенской тоской, снегом, вывороченной землей, присыпанной твердыми белыми шариками, которые катятся и катятся, сплутся в расхристанную яму, отчего-то казавшуюся Инне непристойной.

— Загрустила совсем, Инна Васильевна? Или замерзла?

Это Симоненко, отвечавший в области за сельское хозяйство. «Кадровый работник» — так было написано в его служебной характеристике. Инна не испытывала к «кадровым работникам» никакого почтения. Или работник, или нет, а там уж — кадровый, не кадровый — значения не имеет.

— Замерзла, Василий Иванович.

— Шубейка у тебя...

— Что?..

— Больно фасонистая. В Европах, что ль, прикупила?

Дает понять, что передачу «Единственный герой», в исполнении Гарика Брюстера и ее собственном, видел и не одобряет, поняла Инна. И черт с ним. Ее многие не одобряли, но так уж она устроена, что по большей части ей было на это наплевать. Людей, чьим мнением она по-настоящему дорожила, было немного, остальных она не боялась и умело использовала в своих целях — не торопясь, не сбиваясь с нужного тона, не «переходя на личности», корректно, со сверкающей ледяной улыбкой.

Никто не знал, как это трудно. Она одна.

Ветер взметнул полу шубы. Инна придержала ее рукой и улыбнулась затвердевшими от холода и «траурности» губами.

— Ну что, Василий Иванович? Король умер, да здравствует король?

— Это... в каком смысле?

То ли «кадровый работник» действительно был несколько тугодум, то ли так специально притворялся, «из интересу».

— Выборы назначили?

— Ты же знаешь, — буркнул он и боком повернулся к ледяному ветру, вновь примчавшемуся с Енисея, — Власов сроки предложил, теперь Хруст должен рассмотреть и утвердить.

Власов возглавлял краевой избирательный комитет, Хруст — местное законодательное собрание.

— Пока обязанности Якушев исполняет.

— А Мазалев?

— Он в крае всего полтора года, а Якушев, считай, пять лет! Ты устав не читала, что ли?

— Я не только читала, Василий Иванович, я его и писала!

— А чего тогда спрашиваешь? В уставе ясно сказано, кто в крае дольше работает, тот и!..

— Тише, тише, Василий Иванович! Ты не распадайся до времени.

«Кадровый работник» пару раз сопнул носом — недовольно. Все время она его переигрывала, эта баба в европейской шубенке. Он и понять не мог, как это получалось, но как-то так получалось, что он — раз, и чувствовал, что она его опять переиграла, хотя вроде ничего такого и не сказала.

— Начнется теперь смута, — пробормотал он себе под нос, отвечая собственным мыслям «о бабе». — Выборы, то-се... Понаедут всякие, без роду без племени, начнут народ баламутить...

— Король умер, — произнесла Инна негромко, — да здравствует король.

— Да что ты заладила все про короля-то этого!

— Я не про короля, Василий Иванович. Я про выборы.

— А выборы при чем?

Она не ответила, потому что гроб опустили, могилу засыпали и солдатики быстро и как-то скомканно стали стрелять из ружей — «отдавать последнюю дань». От грохота в небо взметнулась стая галок и теперь, тоскливо крича, высоко кружила над кладбищем.

— Как они теперь будут? — сама у себя спросила Инна.

— Кто?..

— Любовь Ивановна и Катя с Митей.

Симоненко помолчал немного.

— Да чего?.. Так же и будут. Митька как пил, так и будет пить, а Катька в Питер укатит.

— Укатит... — повторила Инна.

Дочь покойного Мухина держала мать под руку, выражения лица за стеклами темных очков разобрать было нельзя. Ее брат, желтый, дрожащий, как будто плохо вымытый, прятал в карманах большие красные